

Известия, - 1989, - 8 сент. - с. 6

Михаил
ЖВАНЕЦКИЙ

В Японию и назад, к себе

Простите меня за то, что я был, а вы не были в Японии.

Страна напоминает новый только что распакованный телевизор.

В магазинах именно та музыка, которую я люблю. Страшная жара и духота, но только на улицах. За любой дверью прохладно. Слова: «Нельзя ли подогреть пиво — у моего друга болит горло», — поставили официанта в тупик навсегда. В жизни не видел таких растерянных людей.

Машины, как люди, разные все. Мотоциклы и грузовики красивы сильной мужской красотой, блестя никелем, как потом. Сусичная — это закусовая. Суси — закуски на блюдечках, но об этом потом.

Когдаходишь в гостиницу, во-первых, всюду двери открываются сами, во-вторых, все служащие, стоящие, бегущие, идущие, кланяются и говорят «Good afternoon», и ты говоришь что-то типа: «Эскиюз ми». А когдаходишь в кафе, официанты и повара страшно кричат: «Добро пожаловать!» Они криками приветствуют входящего.

Новая страна. Иду и думаю о том, что проиграла войну не главное, главное — кому. Это очень, очень важно — выбирать себе победителя. И после того, как вы побеждены, он сам устраняет ваших правителей, его лучшие умы разрабатывают для вас форму правления и образ жизни. Снабжает вас самым необходимым — и вы начинаете. Конечно, можно быть японцами, но, ей-богу, не обязательно. От нации, невзирая на все гордые вопли, мало что зависит. Я видел три вида немцев. ФРГ... ГДР...

А когда летишь из Шереметьева во Франкфурт — полный самолет нашими колхозниками в мятках костюмах, шляпах, в платочках, хустынах, вязаных коф-

тах и восходовских сандалиях на черных моzoлях, с отечественной хмуростью и подозрительностью: «Зигфрид, иды-но сюди. Та дэ ж ты сховалась, Эльза?»

Три вида немцев. Три вида корейцев. Два вида армян. Три вида евреев. Как и русские, приезжающие к нам из Парижа, кладущие руку на наши перила после некоторого раздумья.

Но ничего, мы идем своей дорогой. Вернее, мы где-то рядом со своей дорогой. И пытаемся попасть, мучительно целясь. В конце концов не так важно, что есть в магазинах, хотя это главное. Важно, какие лица у населения. Когда ни одного плачущего, ни одного хмурого за 7 дней непрерывных хождений, ни одной драки за много лет, такое количество подозрительно счастливых японских лиц. Конечно, это раздражает.

Кстати... В Москве, в Одессе появилось много машин, где наши люди сидят справа. Это они... Машины шести и семи лет по 200—300 инрублей, то есть — иных рублей. Один наш купил за 70 рублей, выволоч на буксире — завелась. 30 рублей отправка до Ильичевска.

— Спасибо Горбачеву! Мы там все с циркачами и моряками лили за его здоровье. Только не дай бог ему остановиться. Всем гроб! Мгновенно. Как на лету. Как в драке. Вперед. Сзади мы были. Вперед. Землю раздать. Заводы раздать. Все, что берут, — раздать. Хуже не будет. Хуже не может быть. С бандитами — железной рукой. Честным — свобода. Кто работает, тому свобода: расти, торговать, выезжай, приезжай, зарабатывай, строй, вкладывай. Как сказали нашему в Америке: «Я вам плачу 10 долларов в час. Хотите — работайте 8 часов, хотите — 10, хотите — 12: ваше дело».

Япония — только повод для тяжелых раздумий.

Огромный аквариум на вечерней улице, светящийся, успокаивающий. Рыбы с человеческими лицами. Молчаливые, озобоченные. Здание, опоясанное зеркальными галереями-эскалаторами. Мусорные машины со светящимися сзади транспарантами: «Извините, идет уборка мусора».

Двери в квартирах металлических. Вода в унитаза после спуска заливается через кран сверху, крышка бачка в виде раковины, и ты моешь руки водой, наполняющей бачок.

Сзади в номере машины цифра мощности двигателя. «Не уверен, не обгоняй...»

Вы просрочили визу. Забыли, прозевали. Клерк извинится, возьмет паспорт сам, обойдет все кабинеты и вернет паспорт с благодарностью. Конечно, это издевательство над советским человеком.

Из тысячи машин в пробке ни одна не заглохла.

Попросили тут наши молодого японца сбегать за водкой:

— Не могу, мне нет восемнадцати.

— А ты скажи, что тебе 20. — Как?... — И человек впал в глубокую растерянность.

Рассказы бывших в Японии заканчиваются одинаково: «Э... да что говорить...»

Черт! Мосты какие-то километров по пять через залив. Скоростные дороги над головой.

А на рынке, э... да что говорить! Крабы, креветки, икра красная подносами, рыбы свежие во льду, грибы любые. А тут же тележка с крыльями над головой, откидными стульями и котлом. А в котле суп с дико вкусной рисовой лапшой, креветками, устрицами, кальмарами и всем, всем, всем. Японцы едят

не избранные места, как мы, а всё!

Я это пишу в Одессе, которая приветствует всех приезжих переходящим поносом, бурными отрываниями, и вспоминаю суси: колбаски риса с сырой рыбой, с сырой каракатицей, разными соусами и горячей водочкой саке, к которой быстро привыкаешь. Э-э, да что говорить!

Капитализм отличается от социализма просто: чем сильнее жара, тем холоднее пиво. У нас с повышением температуры пиво становится теплей, теплей и исчезает при плюс 18.

К пиву у них полоски 5×5×100 вяленого мятая залитого голландским сыром. Кто не ел, может представить, кто не может представить, не надо. Электричка из Токио в Никко на один час сорок превращается в ресторан. Снуют официанты, наливают, ставят, сменяют. За окном зеленый рис переливается, как женский волос. Едешь и думаешь о нас все время. Когда еды много, привыкаешь мгновенно и перестаешь замечать. Никакой благодарности.

Возвращаясь из Иокогамы, мы попали в пробку длиной 12 км. На втором этаже в бетонном желобе на высоте 5 м (где-то впереди кран упал, что ли?). Мы стояли три часа, сидеть было все тяжелее, под машинами появились первые лужицы, детса некуда, сойти вниз нельзя. А в нашей машине еще две женщины. Я, напевая, двинул в сторону, пристроился за огромным грузовиком, якобы посмотреть, где мы стоим. Тут вся колонна и тронулась. А я только приспособился и вижу — мой-то грузовик стоит. Водитель подмигивает мне в боковое зеркало:

— Плиз, мистер, плиз.

Сзади огромный хвост, сигналят, и я уже не хочу ничего,

только домой, в мат и ругань, где я привык.

«Специарист по юрмору». Да, «юрмор», большой всесоюзный «юрмор». «Уз очень наоборот вы зивете: леса много — бумаги нет, земли много — хлеба нет, морей много — рыбы нет. А у нас земли мало, а еды много, лесов мало — бумаги много».

Между прочим, на перронах отмечено, где какой вагон останавливается. В универсамах тысячи продающихся кондиционеров и вентиляторов гонят воздух на улицу. Во-первых, видишь работу, во-вторых, прохлада под ними. На старом месте построили новую страну. Мы на новом месте ухитрились сделать наоборот.

Я очень обижен на свою страну. Она унизила меня, сделав неполноценным и недоразвитым, с раскрытым ртом глядящим на еду, поезда, извиняющегося контролера, поющую молодежь. Я не могу простить свой раскрытый рот, свой дурацкий вид.

Я люблю свою страну, как любят мать, какой бы она ни была. Мы ходим с этой мамой, оба злые, и смотрим. Я обижен на свою мать, сделавшую меня, умного и талантливого, придурком, расспрашивающим о самом простом: куда девается непроданное мясо, почему зеркало в ванной не запотеет? Я очень обижен на свою мать, сделавшую меня ленивым, невоспитанным, не говорящим, не поющим, неверящим, циничным и убогим.

Ходим мы с Родинной-мамой, двое нищих откуда-то из шестнадцатого века, из времен каких-то непрерывных и разрушительных войн. где до сих пор... Где до сих пор...

И, как последние эгоисты, дуем только о себе.

Сентябрь 1989 г.